

В каждой голове хан / рассказ

Category: Некаýalar, Китарсу

написано китарсу | 21 января, 2025

В каждой голове хан / рассказ В КАЖДОЙ ГОЛОВЕ ХАН

Старший чабан Халим гнал свою отару к своему колодцу, а поскольку дорога была знакомой не только ему, но и овцам, ничто не отвлекло его мыслей от спора со старшим чабаном Мухы. Этот спор мог продолжаться без конца, но с вершина холма старший чабан Халим заметил, что рядом с кошарой стоит машина. Он обрадовался приезду гостей и криками заставил овец прибавить шагу. И спорить со старшим чабаном Мухы он прекратил; сейчас ему хотелось догадаться, кто приехал, и он пытался определить это по поведению постоянных обитателей становища.

Возле врытой в землю рогатины старший чабан Мухы вместе с кем-

то из гостей свеживал барана. Гайли – помощник старшего чабана Мухы, волочил здоровенную саксаулину. Из этого следовало, что дров, которые были запасены впрок, не хватило, а значит угощение готовится по высшему разряду. Похоже, важные люди приехали, иначе бы старший чабан Мухы не расщедрился. А ведь гости есть гости, подумал Халим, не все ли равно, какие у них должности. Спасибо уж за то, что не забыли, приехали навестить тех, кто в песках. Уже давно на колодец никто не приезжал. А когда ты остаешься в песках надолго один, твой взгляд в любой час дня следит за дорогой, все ждешь: не едет ли кто, не везут ли новостей. Еще хорошо, что человек может с самим собой поговорить, чтобы легче на душе стало. Откровенно говоря, только такой разговор и может довести человека до истины. Но сегодня ночью уши от ржавчины очистятся – с самим собой разговаривать нынче не придется! Лишь бы гости оказались открытыми, общительными людьми.

Сколько ни вглядывался Халим, он так и не смог определить, кто помогает старшему чабану Мухы свеживать барана. Незнакомец не столько работал, сколько размахивал руками, видно, что-то рассказывал. Временами он напоминал Ханека-бахши, а порою заведующего фермой Сахата. Но когда из домика вышел Сахат, Халим тотчас узнал его по степенной и уверенной походке. Рядом с Мухы был кто-то другой. И Ханек-бахши совсем не такой. Но кого-то собеседник старшего чабана Мухы определенно напоминал... Сам заведующий фермой Сахат вышел навстречу Халиму. Улыбаясь поприветствовал его, пожал руку.

– Скажи-ка, Халим, сердце тебе не шепнуло, что я в гости приехал? Эх ты, а я вот уже давно твое приближение почуял. Ну, думаю, теперь пора – Халим уже на подходе. Вот и вышел встретить. Как вы тут? Небось забот прибавилось, из-за того, что я в больнице прохлаждался? Что же это я о делах – если откровенно, сегодня я просто погостить к вам приехал.

– Вот это правильно! Ты же знаешь, мы тебе всегда рады, всегда ждем...

– Ладно, ладно... Нечего меня поддомкрачивать. Ты прямо говори, в чем нужда, какие трудности. Я же вижу: озабочен ты чем-то.

– Не без этого, Сахат. Помнишь, когда на старом колодце чабанил, все приставал к тебе, мол, хочу, чтобы кто-нибудь рядом был. А теперь вижу, что жизнь, в песках прожитая, к одиночеству меня приучила. Тесна мне степь...

– Ах, вот оно что!.. Кто твердил: «Переведи ко мне Мухы, мы с

ним с детства дружим»?.. Года не прошло!.. Ну, чего вы тут не поделили?! Подсказывало мне сердце, что так и будет. Что за люди! У каждого в голове хан сидит, а я один вам всем угодить должен! Чтобы каждый был и собой доволен, и работой, и соседом. А эти ханы, что у вас в головах, никого кроме самих себя признавать не желают. Ну, что за война тут у вас? Да вашего колодца не то, что на карте мира, наверное, даже на областной карте нет! «Колодец Халима»... Вот ты, Халим, сам и думай, как здесь мира добиться... Думай, думай!..

– Могу на старый колодец откочевать. Был я там сегодня, смотрел. Травы много.

Не-ет, не такого ответа ждал заведующий фермой Сахат от старшего чабана Халима! И от того, что его воспитательная работа действия не возымела и столько слов, можно сказать, даром улетели на ветер, завфермой обиделся. Но виду он, конечно, не подал.

– Нет. Не солидно это будет, Халим.

– Ничего.

– Нет, нет!.. Если уж кому уходить отсюда, пусть уходит Мухы. Старший чабан Мухы, который все еще свеживал барана, давно уже наблюдал за ними и теперь, словно догадавшись, что речь идет о нем, не скрывая обиды, крикнул:

– Эй, начальники, ну, подойдите же сюда! Что?.. Рядом со мной разговаривать нельзя? Не волнуйтесь, никуда ваш разговор от вас не убежит.

– Сейчас идем! – крикнул Сахат. – И в самом деле, Халим, что это они одни работают. Идем, поможем.

– Городские пусть под крышей парятся, а мы у костра устроимся, – говорил помощник чабана Гайли, расстилая узорчатую кошму.

– Поторопиться надо... Как бы в обратный путь не опоздать, – сказал заведующий фермой Сахат, поудобней устраиваясь на кошме. – Дай-ка, Мухы, нож, помогу мясо крошить. В степи, я вам скажу, все равны. Все должны на равных трудиться... Эй, Гайли! Теста, пожалуй, маловато...

– Ты не волнуйся, начальник, это только для донышка я приготовил. А чтобы сверху накрыть, у меня еще одна миска.

– Каждый должен быть мастером своего дела, – важно заявил шофер Тангы (это именно он помогал старшему чабану Мухы свеживать барана), обращаясь к Сахату. – Взять хотя бы шоферов, – сказав это, он откашлялся, точно ему предстояло сообщить нечто очень важное.

– А что – шофер... – сбил с него пафос завфермой. – Крутит баранку – и ладно.

– Не скажи, шеф. Крутить баранку и обезьяна может. Вон, медведи в цирке... Но разве язык повернется назвать медведя шофером? То-то. У настоящего шофера в машине любую нужную вещь найти можно. Ведь машина это, как... второй дом. Там и пила, и топор, и миска с ложкой, и съестное, и вода...

– Короче, Тангы-джан, что ты вокруг да около крутишься.

– Вот я и говорю: собрались вы гемме готовить, но, если мясо без чесночка и без зелени, разве это пирог?. Нет, это не гемме будет, а пирожки столовские. Зелень у вас имеется? Нет!.. Зато в моем хозяйстве... – Тангы с видом будто он собирается осчастливить человечество отправился к грузовику и некоторое время спустя принес полиэтиленовый пакет с зеленью и пряностями. – Вот, сдобрим этим хорошенько мясо, тогда получится настоящий гемме. Я тебе, шеф, так скажу: шоферов, которые с головы до ног маслом перепачканы, а в машине только ключ на двадцать четыре имеют, я бы, честное слово, прав лишал. Пусть поливаль-щиками работают. Откровенно говоря, в нашем колхозе я еще не видел шофера, у которого бы все, что надо, «в хозяйстве» имелось. А все потому, что вечная спешка...

– Я уж не знаю, чего там в шоферском хозяйстве не хватает, но что у многих шоферов совести совсем не осталось – это точно. – заметил Гайли. – Чуть волю им дай – все готовы с собой унести, да еще горсть земли впридачу захватят.

– В песках не всякий шофер согласится работать, – не обратив внимания на эту провокационную реплику, продолжил Тангы. – Боятся!.. Верно, машина на бездорожье застрянет, тогда хлебнешь горя. А эти, так называемые шофера, видите ли, не привыкли вдали от дома ночевать. Сахат, понимаете ли, должен им необходимые условия создать!.. А вот мне, я вам прямо говорю, ничего от колхоза не надо, был бы только такой шеф, как у меня.

– Это верно, – поддержал его старший чабан Мухы и заговорил торжественно, словно выступал на собрании. – С тех пор, как Сахат стал заведующим фермой, не было года, чтобы мы не выполнили план по всем показателям. Многое, очень многое зависит от руководителя!

– Ладно, без домкрата обойдемся, – равнодушным тоном прервал его заведующий фермой Сахат и прилег, облокотясь на принесенную для него подушку.

Только старший чабан Халим стоял у костра, не зная, чем заняться. Он нерешительно посмотрел по сторонам, потом робко, точно был в гостях, присел на кошму рядом с Сахатом.

– Говорили, что приболел ты, в Ашхабад, в больницу ездил. Сейчас как себя чувствуешь, поправился? – спросил Халим и, не зная кстати ли теперь такой вопрос, покраснел от смущения.

– Слава богу, Халим-джан, выздоровел. Как конь бегаю. А когда слег, боялся, что никогда больше не увижу родных мест. Столько лет на них смотрю, а оказывается еще не налюбовался. Спасибо, ваша забота помогла. Раньше я семьдесят шесть килограмм всегда весил, а в больнице, когда сказали, что пятьдесят пять кило осталось, ну, думаю, – все. И надежду потерял. Когда Ханек-бахши и другие чабаны приехали проведать, поверишь, как ни мужался, ком в горле стоял.

– Мы не могли. С отарой были, – начал оправдываться старший чабан Мухы.

– Это ничего, Мухы-джан. Пожелай лучше, чтоб никто больше этой заразой не болел.

– Как, говоришь, называется? Эккенекок? Ну и словечко придумали – язык сломать можно. Значит, чабанская болезнь. Так ты у нас, Сахат, хуже чабанов – все время с овцами. А весной, когда стрижка была, еще и спал на шерсти, чтоб не своровали. Надо было сразу в больницу ехать, как только занеможил... Когда мы беспечными быть перестанем?

– Ничего, Халим-джан, главное – выздоровел. Впредь постараемся не болеть – некудышное, скажу я вам, это дело. А сегодня, вот, погулять захотелось, на пески взглянуть, вас проведать.

– Когда тебя, начальник, не было, знай, даже пески свою прелесть потеряли, – сказал старший чабан Мухы. – Прежний заведующий...

– Ты при мне лучше о нем не вспоминай, – перебил его Гайли и нахмурился.

– Да он же башлык наш теперь! – в сердцах воскликнул Халим.

– Ну и что?! Когда был заведующим, что ни день – склоки, скандалы. Не понимаю, как его люди председателем избрали. Жаль, что я в песках был. Я бы на том собрании все ему прямо в глаза сказал. Пусть знает, чего он стоит.

– Ты же десять лет с ним работал, Гайли... Отчего же прежде не говорил? А если желание сильное, то и сейчас не поздно. Вообще, ты зря, наш новый председатель прекрасно с делами справляется, – сказал заведующий фермой Сахат, но в голосе его

все же проскользнула обида.

– Заместитель у него толковый...

– Ну, Тангы, ты сидишь-сидишь, а потом, как ляпнешь глупость какую-нибудь! Заместитель... Да кто же не знает, как он стал заместителем. Только угодничать и умеет, – возмутился старший чабан Мухы.

– Нет, друзья, я вам так скажу: если хочешь знать, чего стоит начальник, взгляни на его шофера, – начал Тангы, но лишь на миг замешкался, как этой паузой тотчас же воспользовался Гайлы.

– А мне зоотехник наш не нравится, – сообщил он. – Гундосит что-то, а чего хочет – не поймешь. Как начнет говорить, меня прямо бесит.

– Уф!.. – Заведующий фермой Сахат замотал головой. – Затянули любимую песню!.. Одни вы – умные, остальные все – дураки. Можно подумать, поставь вас на их место, все бы сразу на лад пошло. И на какой колодец не приедешь, разговоры везде одинаковые. Раньше чабаны и пошутить умели, и о жизни поговорить. Куда все это делось? Уже два-три года от вас нормального слово не слышу. Нет, не годится так, парни. Давайте-ка, сменим пластинку. Пора, Гайлы, раскатывай тесто, мясо мы уже порезали. Только ты, Мухы, помельче, помельче кроши, что это за куски такие? Надо, чтобы как раз в рот положить можно было. Тангы, ты, давай, свою зелень сполосни, мы и ее заодно порежем.

– Не всякий может хорошо гемме приготовить. Но есть настоящие мастера...

– Лучше меня, Тангы-джан, никто не готовит, – заявил старший чабан Мухы. – Вот увидишь.

– Мне говорили, в Нью-Йорке, или еще где одну книжку выпустили, «Книга рекордов Гиннеса» называется. Там тебя случайно нет, а, Мухы? Может, нам чемпионат устроить, кто лучше всех гемме приготовит, хи-хи?

– Мне, Гайлы, соревноваться не за чем...

Хотя старший чабан Халим сотни раз слышал, как подкалывают друг друга Мухы и его помощник, он все же не сдержался и с осуждением посмотрел на Гайлы. Потом, чтобы не сорваться и не сказать обидного слова, встал и, сославшись на головную боль, ушел в дом. Задернул занавеску и лег. Но прошло совсем немного времени, как кто-то пришел. Это был заведующий фермой Сахат.

– Отдыхаешь? Да, и по лицу видно, что устал. Слов нет, после

работы обязательно надо чуть-чуть соснуть. Теперь, как жара спала, сможете хоть ночью выспаться, – Сахат присел на край кровати и протянул Халиму несколько таблеток. В другой руке у него был стакан воды. – Прими и запей, – приказал он. – Очень хорошо от головной боли помогают. Воду всю пей, до дна. Вот так! А теперь поспи...

Сахат вышел и аккуратно задернул за собой занавеску. Раньше сквозь нее было запросто видно, кто стоит на пороге. Теперь – нет. Как же, увидишь, если старший чабан Мухы всякий раз после еды станет вытирать о занавеску жирные руки... Эти чертовы пятна не отстирываются даже! Хорошо, что хоть о чем говорят слышно.

Люди зубы свои по разным причинам теряют. От старости только немногие выпадают. Больше – из-за того, что приходилось с голоду кости глотать, ну, а в основном, потому, что живешь зубы стиснув!.. Если бы одна только занавеска, тогда и говорить не стоило бы...

Колодец в этой низине выкопал старший чабан Халим. Ему повезло: уже на глубине трех метров появилась вода. Халим перебрался на новое пастбище. Потом колхоз облицевал его колодец камнями, рядом с ним построили домик для чабанов и загоны для овец. Люди стали называть это место «Колодец Халима». Вот, что не дает покою старшему чабану Мухы!..

Один изрядно поплутавший в песках водитель, добравшись наконец до цели, спросил у старшего чабана Мухы: «Это, что ли, Колодец Халима?».

«Колодец Халима?.. – сделал удивленный вид старший чабан Мухы. – Я не один год в песках, но от тебя, братишка, впервые о таком слышу. Колодец Халима?.. Нет, нету такого поблизости.

Машина поехала дальше. Когда два дня спустя, похудевший, почерневший от усталости водитель, с глазами, красными от бессоницы, выскочив из машины с кулаками набросился на старшего чабана Мухы, Халим сразу догадался, что между ними произошло.

Летом, чтобы овцы не страдали от зноя, Халим пасет отару ночами, а когда начинает припекать, возвращается к колодцу. Из-за этого отдыхать ему приходится днем, в самую жару, когда лежишь, обливаясь потом. Старший чабан Мухы, которого никакая сила не заставит пожертвовать ночным сном – пусть хоть все

овцы от жары передохнут! – словно не понимает этого. Сидит с Гайли, шутки шутит. Хоть и говорят люди, что «Сну подушка не требуется», на самом деле это не так! Шепот старшего чабана Мухы, точно осиное жало, впивается в мозг старшего чабана Халима. А если захочешь побеседовать с ними, сказать пару слов, в ответ услышишь: «Да, ты спи, Халим, спи...» Попробуй, засни после этого!

Обида делает людей кичливыми, заставляет без конца вспоминать былые заслуги. И старший чабан Халим, увы, не исключение из этого правила.

– Скажи-ка, Мухы, кто это пастбище нашел?

– Ты, Халим.

– А кто здесь колодец выкопал?

– И это ты сделал.

– А когда Сахат сказал, что здесь будет две отары, кто тебя привел.

– Ты, ты.

– С тех пор, как ты здесь, твои овцы хоть раз голодными оставались?

– Нет, Халим.

– Я тебе какую-нибудь пакость делал?

– С чего бы тебе пакости мне делать?

– Зачем же ты, Мухы, надо мной издеваешься? Что колхоз ни даст, все домой тащишь. Ничего уже здесь не осталось. И отара твоя все время на моих выпасах. Ты разве не понимаешь, что это для чабана самая горькая обида. Я сколько раз тебя просил!..

– Оставь, Халим!.. Терпеть не могу, когда человек все делает с расчетом, что ему потом все в ножки кланятся станут!

Что ему на это сказать?.. А старший чабан Мухы стоит, как ни в чем не бывало, – ему же все до лампочки. Старший чабан Халим вздохнет с укоризной, сядет пить чай, но если человек раздражен, то чай его гнева не уменьшит, да и удовольствия от чаепития никакого.

А Мухы бросит в принесенный Гайли кипяток полную ладонь заварки, пару раз перельет чай из тунче в пиалушку и обратно, чтобы покрепче заварилось, а когда чай хорошенько настоится, пьет, причмокивая, потом обливается. А после чаепития

обязательно затеет с Гайли какой-нибудь бестолковый разговор. Опять начнут перешептываться!..

Гайли, тот любит из себя простака изображать.

– Слышь, Мухы!.. Говорят, во Франции деревня есть то ли Манкребо, то ли Санкребо, одним словом, там уже две тысячи лет чемпионат среди врунов проводят. Как думаешь, смогли бы мы с тобой там какой-нибудь приз урвать? Говорят, один туркмен, ну, из тех, что за границей живут, участвовал и приз получил. Неужто мы хуже?

– Не-е, Гайли, я не поеду. Не достоин. Ты со старшим чабаном Халимом езжай. Он у нас – пе-ре-до-вик!..

Разве можно такое вытерпеть?.. Старший чабан Халим бросается с кулаками на старшего чабана Мухы. Гайлы начинает их разнимать:

– Бай-бов, Халим, ты что?.. Шуток не понимаешь?..

Нет, Гайли, старший чабан Халим шутки не хуже тебя и твоего старшего чабана Мухы понимает!

«Кто может подумать, что мы с Мухы не ладим? Сказать – так и то, наверное, не поверят. А если и поверят, так станут смеяться: вы, мол, что, мальчишки? И то правда, где еще увидишь, чтобы взрослые люди не могли меж собой договориться? Стыд, да и только. Ведь нет ничего такого на свете, чего нельзя было бы понять и простить. Старики верно говорили, что жить следует, гордясь друг другом. Да только, кто их слушал!.. Лишь теперь понимать начинаешь, что они неплохие вещи советовали. Хватит!.. Надо перебираться на старое место». Эти мысли в последнее время не давали старшему чабану Халиму покоя ни днем, ни ночью. Они вертелись в голове, когда пас отару и когда возвращался к колодцу, но сильней всего мучали – стоило только опустить голову на подушку. Старший чабан Халим понимал, что не отделаться ему от этих дум, пока он не примет окончательного решения.

Он был убежден, что в пустыне нет ничего страшней ветра. Как ты от него ни прячься, где только ни укрывайся, ветер все равно тебя достанет. Хоть десятью кошмами укройся, все равно он к тебе проникнет. Найди самое безветренное места, он и там станет тебя посыпать песком. Засыпет с головы до ног. Потом еще не один день песок будет скрипеть под зубами. В селе,

среди людей, хорошо. Там ветер человеку не страшен.

Для старшего чабана Халима вот уже полгода всякий день бушевала буря. И нет никакой надежды, что она сама собой успокоится. Надо возвращаться к старому колодцу. Там не так уж плохо. Халим еще раз в этом убедился недавно. Конечно, теперь, когда там безлюдно, все кажется запущенным, навеивает тоску. Всякое место красиво только до тех пор, пока там живут люди. Надо уходить, хотя, конечно, с этой низиной жаль расставаться. Одно лишь успокаивает старшего чабана Халима: даже если он откочует отсюда, – колодец останется, и имя его останется! Не всякому в жизни такое удастся...

Был у него недавно разговор со старшим чабаном Мухы.

– Ты спишь? – спросил он.

– Пока нет. Но если скажешь «Спи!», придется заснуть.

– Правда?

– Иначе быть не может. Это пастбище и колодец тебе, говорят, от предков достались. И сам ты передовик!

– Я думаю вернуться на старое место.

– А название «Колодец Халима» тоже с собой заберешь?

– Пусть говорят «Колодец Мухы».

Старший чабан Мухы некоторое время молча глядел в потолок, потом растерянно посмотрел по сторонам, встал, подошел к Халиму.

– Ты серьезно?

– Уйду...

– Некрасиво получится. Вроде я тебя отсюда выжил. Я уйду. Как бы там ни было, а первым сюда ты пришел. Значит тебе здесь и оставаться. А мне в степи простора хватит. Чтоб ни командывал никто, ни попрекал. Я тебе вот что давно уже хочу сказать. В последний раз, когда был в селе, видел, как наши сыновья играют. Дружно, весело. Не дерутся, не спорят. Долго я любовался ими. И, честно сказать, завидывал. Ведь и мы были такими. Целыми днями вместе, водой не разольешь. Понимали же мы тогда друг друга! А теперь нам за сорок, вроде бы кое-какой умишко накопили, но друга понять не можем. Только и выискиваем, к чему бы придраться. Разве не так?!

Слушая эти страстные слова, Халим пристально вглядывался в

лицо старшего чабана Мухы. Все тот же Мухы! Вот, что значит – прямой разговор, сразу истинное лицо человека видно, – думал он.

– Верно, – прошептал Халим.

– Так почему же мы так себя ведем?

– Себя об этом спроси.

Мухы хотел что-то сказать, но молчал. Однако не потому, что не нашел нужных слов. Они давно были приготовлены. Он хотел сказать, что ничуть не слабей Халима, что и в детстве не уступал ему ни в чем, и теперь, если выпадет случай, готов вырыть колодец глубиной не три, а все десять метров. Что, хотел спросить он, если ты вырыл трехметровый колодец, имя твое должно быть увековечено? Он понимал, что говорить такие слова – глупо. Но и промолчать в такую минуту он не мог.

– Будь моя воля, я бы назвал эти места «Колодец дружбы».

– Да хватит вам об одном и том же! – вмешался Гайли. – Я вам одну интересную вещь расскажу. В газете прочитал. В Италии...

– Заткнись ты! – крикнул старший чабан Мухы и встал. Не зная, что еще сказать старшему чабану Халиму, он подошел к двери и исчез за грязной занавеской...

– Халим-джан! – Заведующий фермой Сахат отдернул грязную занавеску и заглянул в комнату. – Вставай, Халим-джан. Гемме готов, все тебя ждут.

Уже стемнело. Скатерть была расстелена. Мухы и Гайли срезали с пирога верхнюю корочку с прилипшим к ней песком. Из тростниковой «свистульки», что была вставлена в гемме, вырывался булькающий звук кипения.

– Ба-а, вот это настоящий гемме. Слава тебе, Мухы-джан! – сказал заведующий фермой Сахат с вождением глядя на гемме, выставленный на середину дастархана, и даже сглотнул слюну. – Такой пирог только настоящий мастер приготовить может. – Давайте, снимайте крышку! Аромат какой!.. А юшка тоже, должно быть. объединение. С ней и «крышка» в дело пойдет. Ну, джигиты, вперед!

– Вкус мясу придает зелень, – не забыл напомнить Танги и первым протянул руку к гемме. – Ешьте, рябята!

Некоторое время слышалось только смачное причмо-кивание.

– Начальник, а ты что же не ешь? – вдруг сказал старший чабан Мухы.

– Ем, – начал оправдываться заведующий фермой Сахат.

– Нет, начальник, так не годится. Начальник не должен обманывать подчиненных. Мы так понимаем: если ты начальник, значит говорить правду – это твоя обязанность.

– Эх, Мухы-джан, нельзя мне сейчас такие сытные блюда. В знак уважения я съел чуток, но больше, извини, не могу. Да вы ешьте, не обращайтесь на меня внимания! А я, когда смотрю как вкусно вы едите, честное слово, не меньше удовольствия получаю, чем если бы сам ел. Хватит, Мухы-джан, не отвлекайся, смотри, как эти могучие львы налегают, скоро тебе ничего не останется.

– Я же для тебя готовил...

– Попрошу минуточку внимания, – сказал заведующий фермой Сахат. – Я конечно понимаю, что, когда на дастархане такой замечательный гемме, грех отвлекать людей разговорами, но все же, пожалуйста, послушайте, что я вам скажу.

– Говори, начальник, – разрешил Гайли, вытирая жир с губ.

– Есть на сачаке хлеб и соль?

– Есть! – дружно ответили Сахату.

– Так вот, за этим богатым столом я хочу открыть вам, зачем сегодня приехал сюда. Поверьте, очень нелегко было до сих пор держать эту новость в тайне. Но я решил, что скажу об этом только когда все соберутся за широким щедрым дастарханом. В дороге дважды чуть не открыл эту тайну Тангы. Никто не знает, какого труда стоило мне перебороть искушение. И вот теперь настало время сообщить вам эту хорошую новость.

– Говори, начальник, говори!..

– Так вот. Я приехал сообщить, что в следующее воскресенье Халим должен обязательно приехать в село. За овцами приглядеть мы пришлем сменщика.

– Собрание будет? – спросил старший чабан Мухы.

– Халиму будут орден вручать. Орден Трудового Красного Знамени. Вот почему он обязательно должен явиться.

– За что орден? – сказал старший чабан Мухы.

– А ты не догадываешься? За то, что хорошо работал, что из года в год план перевыполняет. Работай и ты так, Мухы-джан, мы и тебя наградим. За нами не залежится!

– Ну и ну! – протянул Тангы, облизывая жирные пальцы. – Поздравляю, Халим! В честь такого события, видно, придется съесть еще один гемме. Держи руку, Халим! Зелень с меня!

Старший чабан Мухы вытер руки и отодвинулся от дастархана.

– Чего ты, Мухы? Ешь! – скахал Гайли и ловко забросил в рот кусочек мяса. – Не нравится, что ли? Наверно, зелени переложили.

– Да, нет. Всего в норму. Только я, пока готовил, уже одним запахом насытился.

– Это хорошее качество. Надо, чтобы ты каждый день еду готовил!

– Тебе лишь бы брюхо набить!..

– Хорошо бы после такой еды еще глоточек чаю, – мечтательно произнес Тангы.

– Чай мы мигом сообразим, – сказал Гайли. Он встал наполнил закопченный кувшин водой и поставил тунче на угли костра.

– А за чаем я спою для вас. Гайли-джан. принеси дутар.

– Дутара нет, начальник.

– Что ты каждый раз одно и тоже твердишь: «нет» и «нет». Нет, так надо обзавестись. Приедешь к Ханеку-багши, так у него дутар на самом видном месте. Чайку попьем, начнет он петь, так сразу кажется, что мир светлей стал. В село возвращаешься, а песня его все еще над барханами летит. Моя мечта, чтоб в каждом домике чабанском обязательно был дутар.

– Зачем мне дутар, если я на нем играть не умею, – пробурчал старший чабан Мухы.

– Я научу, – серьезно сказал заведующий фермой Сахат. – Ты только не ленись. Разве есть что-нибудь, чему бы человек не мог научиться!

– Вот из-за этого в последнее время слишком много стало певцов и музыкантов, – сказал Тангы, известный дипло-матическим умением направлять разговор в нужное русло. – Некоторых слушать невозможно.

– Конечно, если человек хочет за счет музыки обогатиться. Это

вроде того, как уважаемый председатель нашего передового колхоза от всякого чурека норовит хоть кусочек себе отломить, – сказал, подмигнув старшему чабану Мухы, его помощник Гайли.

– Верно, Мухы?

– Что ты как молитву твердишь «председатель», «председатель». Это не председатель, а червь ненасытный, – взорвался старший чабан Мухы.

– А вот заместитель у него умелый...

– Ну, Тангы, ты как... – Гайли умолк, подыскивая слово пообидней.

– К твоему сведению, Гайли, я никогда не говорю просто так, не имея исчерпывающих фактов, – обиделся Тангы. – Шофер его за два года дом себе из жженного кирпича поставил и «Жигули» купил...

– А ты ему завидуешь? Он разбогател, воруя колхозное добро. И заместитель такой же вор.

– Вах, Гайли, а кто теперь не вор? Председатель? Агроном? Главный инженер?

– Эй, эй, Мухы-джан, остановись! Следующим в штатном расписании я иду. Ради Бога, не надо дальше перечислять. Нет, если от вас вовремя не сбежать, – плохо будет. Развязал вам пирог языки! Теперь и этим бескрайним пескам мир тесней курятника покажется. Вам только дай языками почесать.

– Нет, начальник, тобой мы от души довольны. За пять лет, что ты нами руководишь, нет чабана, который бы на тебя обиду держал. А если и найдется такой, так значит сам виноват.

– Ладно, домкратить меня не надо. Все, Тангы-джан, вставай, поедем.

– А чаек?..

– Все в порядке, Гайли-джан. Сказано умными людьми, что путника дорога украшает. Поели-попили, поговорили о том, о сем. Ни в чем недостатка не было. Спасибо вам за все, – заведующий фермой Сахат поднялся, пожал руки всем поднявшимся вслед за ним. – Разговор наш в следующий раз продолжим, а то ему конца не видно. Ну, до свидания, будьте здоровы!

– Счастливого пути!

– Гайли-джан, в следующий раз обязательно привезу дутар. От

чего бы, ребята, честное слово, не наполнить нам Каракумы
звуками дутара!..

Старший чабан Мухы пнул лежавшую на земле саксаулину и, ворча
что-то себе под нос, повернул к домику...

На колодце Халима снова остались только три хана...

1986 г.

Осман ОДЕ. Некаýalar